НОВЫЯ ПИСЬМА

Къ М. П. Погодину.

О СТАРОБЫТНОСТИ

МАЛОРОССІЙСКАГО НАРѢЧІЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1863.

2010516781

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

91684-45.

Одобрено цензурой, Москва 22 Февраля 1863 г.
(Изъ газеты „Дня“ № 8.)

Новыя письма

къ М. П. Погодину.

О СТАРОБЫТНОСТИ МАЛОРОССІЙСКАГО НАРѢЧІЯ.

—

Письмо I.

И не хотѣлось бы, а пришлось мнѣ еще разъ побесѣдовать съ тобою, любезный академикъ, во всеуслышаніе—о старобытности Малороссійскаго нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ Югѣ. Поводомъ къ тому служитъ *отвѣтъ* г. Лавровскаго на мои *филологическія письма* къ тебѣ, явившійся въ свѣтъ при твоемъ содѣйствіи (*). Надо исполнить

(*) *Филологическія письма* напечатаны въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г. кн. III. *Отвѣтъ* г. Лавровскаго—въ *Основѣ* 1861 г. кн. 8.; тамъ же въ кн. 12, и другая его статья „*по вопросу* о Южно-Русскомъ языкѣ.“

мое обѣщаніе—не остаться безотвѣтнымъ, если «записные филологи» напишутъ что либо въ пользу твоей исторической гипотезы — о заселеніи Кіево-Переяславской земли *Великороссіянами* на все древнее, до-Батыевское время, и о переселеніи на ихъ мѣсто *Малороссіянъ* съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго.

Я не читалъ еще ничего, написаннаго и изданнаго г. Срезневскимъ послѣ 1843 года (кромѣ одной *Задонщины*); а потому мнѣ неизвѣстно, какъ онъ самъ развиваетъ мнѣніе о несуществованіи Малороссійскаго нарѣчія и народа до нашествія Татарскаго,—мнѣнія, которое ты справедливо назвалъ *невѣрнымъ*, но несправедливо огласилъ какъ совершенную, неслыханную новость. Напрасно и г. Лавровскій ведетъ лѣтосчисленіе этого мнѣнія только съ 1849 года, со *Срезневскаго*, сопричисляя къ нему только *тебя* и *себя*. Я имѣлъ уже случай (въ *Отвѣтныхъ письмахъ* къ тебѣ) (*) сказать, что мнѣніе о *безразличіи* Малороссіянъ съ Великороссіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго—было у насъ въ ходу издавна, и «что для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, если *невѣрное*

(*) *Отвѣтныя письма* напечатаны въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г. кн. II и IV.

мнѣніе ходило сперва запросто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности».

Безъ малаго за сто лѣтъ, именно 1765 года, Малороссійскій историкъ *Симоновскій* говорилъ такъ: «разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они (т. е. *Малороссіяне*) пришли во владѣніе Литовское и Польское».

Граматинъ въ 1823 году говорилъ: «Что за *областныя нарѣчія*? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго и развѣ Бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи вскорѣ послѣ нашествія Татаръ; а тогда (т. е. *въ XII вѣкѣ*) отъ Ильменя до Днѣпра, какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ» (см. Слово о П. И., стр. 85). Отсюда будетъ прямое слѣдствіе, что и всѣ отличительныя черты Малороссійскаго нарѣчія развились въ немъ не ранѣе, какъ послѣ XIII-го вѣка; что оно, по этому, не выразилось, да и не могло выразиться ничѣмъ особеннымъ въ древнерусской письменности, до XIV-го вѣка: вѣдь въ этомъ и состоитъ, кажется, ученіе г. Срезневскаго.—Мнѣніе о новобытности Малороссійскаго нарѣчія являлось у насъ и съ особен-

пымъ направленіемъ, напримѣръ у *Греча*, который 1822 года, въ Опытѣ исторіи Русской литературы (стр. 12) выражался такъ: «Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ Югозападной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ *Польскимъ*». Въ пространной грамматикѣ своей (изданной 1827 года съ предисловіемъ Поляка Булгарина) Гречъ также говорилъ, что Малороссійское нарѣчіе «можетъ даже назваться *нарѣчіемъ языка Польскаго*» (стр. 35)! Нечего и говорить, до какого неистовства доходило у нашей Польской братіи это неправильное притяжаніе Малороссійскаго нарѣчія къ языку Польскому, вопреки очевидной *постепенности сродства* между нарѣчіями Славянскими. Но при этомъ нельзя умолчать и о томъ противоположномъ направленіи, съ какимъ прошлаго года, въ 23 нумерѣ *Дня*, являлся г. *Соковенко*, объявляя, будто «большинство спеціалистовъ давно уже пришло къ тому заключенію, если не убѣжденію, что Малороссійскій языкъ есть только *подрѣчіе Великорусскаго!*». Но это *большинство*—только въ воображеніи г. Соковенка; на самомъ же дѣлѣ давно уже нѣтъ, кажется, ни одного *спеціалиста*, который бы доказывалъ такую неосновательную мысль

о нарѣчіи Малороссійскомъ. Онъ ссылается только на О. М. Бодянскаго да на меня,—будто мы «постоянно отзывались и отзываемся о Малороссійскомъ языкѣ, не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ о нарѣчіи или части Великорусскаго языка». Не смотря на тѣ пріятные эпитеты, которыми *уснастилъ* свою рѣчь объ насъ г. Соковенко, мы оба въ правѣ напомнить ему слова заповѣди: «не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна». Ни въ одномъ сочиненіи своемъ г. Бодянскій не выражалъ приписаннаго ему мнѣнія о нарѣчіи Малороссійскомъ. Равно и я, начиная съ предисловія къ *Малороссійскимъ пѣснямъ*, изданнымъ 1827 года, постоянно утверждалъ, что на Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на *особый* языкъ, отличный отъ Великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ Польскаго. Названіе «*Малороссійскій языкъ*» было взято мною съ заглавнаго листа *Энеиды* Котляревскаго, первоначальника новой Малороссійской словесности. Впослѣдствіи я предпочелъ названіе «*Южнорусскій языкъ*», точнѣе и яснѣе выражающее собою объемъ этого *языка*, который состоитъ въ двухъ *нарѣчіяхъ*: 1) *Малороссійскомъ*, существующемъ издревле *оба-полы Днѣпра* — на Украинѣ, Подольи, Волыни, и въ Сѣверщинѣ; 2) *Червонорус-*

скомъ, существующемъ издревле *обонполъ Днѣстра* въ Галиціи и въ Карпатахъ. Нарѣчіе *Великорусское* вмѣстѣ съ *Бѣлорусскимъ* составляютъ одинъ *языкъ Сѣверноруссκій*, также отдѣльный и самостоятельный, какъ и языкъ Южно-Русскій. Эти два народные языка суть *ближайшіе* между собою, какъ два вида одной *Русской* или *Восточно-Славянской рѣчи* — и ни одинъ изъ нихъ не можетъ назваться родоначальнымъ для другаго: это *два родные брата* въ общемъ кругу *Рѣчи Славянской* (какъ въ *Сѣверо-Западномъ* ея отдѣлѣ — языки Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и ихъ умершій братъ— языкъ Полабскій). Нѣтъ никакого основанія, ни филологическаго, ни историческаго, чтобы два Южнорусскія нарѣчія считать видоизмѣненіемъ котораго либо изъ двухъ нарѣчій Сѣверноруссκихъ. А между тѣмъ, и въ новое время Славянорусской филологіи было мнѣніе нашего покойнаго друга–товарища Надеждина, что *Великорусскій языкъ* образовался изъ соединенія *языковъ Бѣлорусскаго* и *Южнорусскаго*, особенно вслѣдствіе переходовъ и поселеній (см. въ Шафариковомъ *Народописаніи*).

Ты и теперь по прежнему признаешь *древнюю* особенность и самостоятельность нарѣчія и народа

Малороссійскаго, равно какъ и Великорусскаго, и Бѣлорусскаго; потому-то и называешь ты *невѣрнымъ* положеніе г. Срезневскаго о безразличіи Малороссіянъ съ Великороссіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго. Но прежде (т. е. въ *Изслѣдованіяхъ* т. III. 1846 г.) ты признавалъ «*отраженіе Малороссійское*» у Нестора и въ другихъ древле-Кіевскихъ писаніяхъ; а 1856 года, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Срезневскому, и ты, подобно ему, заговорилъ уже о «*совершенномъ отсутствіи* всякихъ признаковъ *Малороссійскаго* нарѣчія какъ у Нестора, такъ и у Кіевскихъ и Волынскихъ его продолжателей; да кромѣ того ты призналъ въ нихъ еще «*явное присутствіе* нарѣчія *Великороссійскаго*»: то и другое вмѣстѣ привело тебя къ заключенію о пребываніи *Великорусскаго народа* на Кіевскомъ Югѣ искони и до нашествія Татарскаго. *Малороссійскій же народъ*, нынѣ здѣсь обитающій, ты перемѣстилъ въ Карпаты на все до-Татарское время. Вотъ это-то отчужденіе насъ Малороссіянъ отъ нашей Приднѣпровской родины, отъ нашего Кіева и всей нашей древней исторической жизни, столь многозначащей въ общей жизни Русскаго міра, — это отлученіе отъ насъ нашихъ древле-Кіевскихъ писателей и подвижниковъ—и заставили меня всту-

пить въ полемику съ тобою, на столько же историческую, на сколько и филологическую... Я уже и думать забылъ объ этой нашей полемикѣ, и моими письмами къ тебѣ о *Богданѣ Хмельницкомъ* (*) надѣялся вызвать тебя на обѣщанную бесѣду со мной объ этомъ великомъ подвижникѣ и представителѣ Украины, который историческимъ дѣломъ своимъ доказалъ ясно ближайшее сродство Малороссійскаго народа съ Великороссійскимъ... Но вотъ становится между нами г. Лавровскій, съ своимъ *Отвѣтомъ* на мои *Филологическія Письма*,—съ отвѣтомъ, который въ самомъ дѣлѣ можно назвать «*процессомъ* опроверженія г. Максимовича», по выраженію автора. Чтобы исполнить твое прежнее желаніе и мое обѣщаніе, я дамъ тебѣ подробный отчетъ преимущественно о томъ, что́ въ этомъ *Отвѣтѣ* относится прямо къ дѣлу, къ разрѣшенію занимательнаго для васъ *вопроса* о нарѣчіи Малороссійскомъ. Для этого, минуя всѣ околичности, я возьму сначала то мѣсто, въ которомъ заключается вся *суть* Отвѣта.

«И такъ, — говоритъ г. Лавровскій — положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія, мы смѣло можемъ повторить ровно за четыре

(*) Напечатаны въ *Украинцѣ* 1859 г. и въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г.

года (*) высказанное положеніе, что древній Русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, Великорусское и Малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ: во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ Малороссизмовъ во всей древней письменности Русской, Южной и Сѣверной; во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была Церковнославянская, что́ положительно доказывается; въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи Новгородской; въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства Малорусскаго нарѣчія на Югѣ, какъ Великорусскаго на Сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ

(*) *Отвѣтъ* написанъ 1856 г. То *Разсужденіе*, на которое ссылается г. Лавровскій, мнѣ неизвѣстно, какъ и все прочее написанное имъ до *Отвѣта*.

къ другу до XIII—XIV столѣтій, что, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ черть въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей» (стр. 35).

Судя по высказанному здѣсь *положенію* и по концу Отвѣта, надо думать, что г. Лавровскій крѣпко держиться Граматинскаго мнѣнія, возобновленнаго и развитаго г. Срезневскимъ, о *безразличіи* Русской рѣчи до XIV-го вѣка, о существованіи въ то время *одного языка* на всей Руси, и о происхожденіи *Великороссійскаго* и *Малороссійскаго* нарѣчій, съ ихъ отличительными особенностями, уже послѣ нашествія Татарскаго. Въ этомъ смыслѣ и веденъ весь *Отвѣтъ* и только одному *Новгородскому* нарѣчію съ его особенностями придана у г. Лавровскаго такая же глубокая древность, какъ и всему остальному языку древней Руси съ его особенностями *обще-Русскими*. Такимъ небезпристрастнымъ исключеніемъ въ пользу Новгородскаго нарѣчія нарушается уже то *безразличіе* древняго языка Руси, по которому онъ полагается до XIV вѣка не *Великорусскимъ*, и не *Малороссійскимъ*, а просто *Русскимъ языкомъ*.

Но въ «*Описаніи* семи рукописей», напечатан-

номъ въ *Чтеніяхъ* 1858 г. (*), г. Лавровскій отошелъ еще далѣе отъ *безразличія* древне-Русской рѣчи и пришелъ «къ *положительному* мнѣнію», что и на Югѣ Россіи до XIV вѣка «господствовало не нарѣчіе Малорусское, а тоже *Великорусское*, какое мы находимъ и въ памятникахъ Сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ *Новгородскаго нарѣчія*» (стр. 73). Такимъ образомъ здѣсь, вмѣсто прежняго просто *Русскаго* или *обще-Русскаго* языка, полагается уже *Великорусское* нарѣчіе; слѣдственно, здѣсь предполагается уже различіе между *Великорусскимъ* и *Малороссійскимъ* нарѣчіемъ до XIV вѣка; допускается древняя особенность не одного *Новгородскаго* нарѣчія, но и *Великорусскаго*, которому дано непомѣрное распространеніе—на всю Южную Русь. Это очевидный переходъ отъ прежняго ученія о безразличіи Русской рѣчи до XIV вѣка—къ твоему новому ученію о Кіевскихъ или Южныхъ Великороссіянахъ; и ты уже предвидишь, гдѣ очутится у г. Лавровскаго *Малороссійское* нарѣчіе, не получившее себѣ мѣста «въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства»? Въ «*Обзорѣ*

(*) См. кн. IV., тамъ О. М. Бодянскій, въ краткихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Лавровскаго заявилъ свое несогласіе съ его мнѣніемъ.

особенностей Малорусскаго нарѣчія», напечатанномъ 1859 года (въ Журн. М. Н. Пр. кн. 6), г. Лавровскій, для объясненія нѣкоторыхъ особенностей этого нарѣчія, сходныхъ нѣсколько съ Сербскими, обращается къ *гипотезѣ* Погодина о позднѣйшемъ переселеніи нынѣшняго Малороссійскаго народа *съ Карпатскихъ горъ* послѣ нашествія Татарскаго (стр. 265). Такимъ образомъ и тѣ нѣкоторыя особенности Малороссійскаго нарѣчія полагаются у него развившимися еще въ Карпатахъ, еще до нашествія Татарскаго; въ *Отвѣтѣ* нѣкоторыя изъ тѣхъ же особенностей (напр. глагольное окончаніе 1 лица множ. ч. *мо*) положены происшедшими въ Малороссійскомъ нарѣчіи уже послѣ XIII вѣка. Не знаю, какое нарѣчіе назначаетъ г. Лавровскій для Червонорусскаго или Галицкаго Юга, до нашествія Татарскаго: тоже *Великорусское*, какъ и для Кіевскаго Юга, или *Малороссійское*, какъ и въ Карпатахъ? Не упоминается также, въ помянутыхъ статьяхъ г. Лавровскаго, о *Бѣлорусскомъ* нарѣчіи: когда оно обособилось въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства? Но если онъ уже пришелъ къ положительному мнѣнію о древнемъ существованіи *Великорусскаго* нарѣчія даже и на Кіевскомъ Югѣ; если онъ обратился къ твоему же предположенію

о пребываніи *Малороссійскаго* народа и нарѣчія въ Карпатахъ до Татарскаго нашествія, то этимъ онъ самъ сдѣлалъ уже значительное отступленіе отъ ученія Срезневскаго о безразличіи и прочее, а слѣдовательно и отъ того *положенія*, которое развивалъ въ своемъ *Опытѣ*. Но твое новое ученіе съ ученіемъ Срезневскаго, какъ видно по всему, сходится собственно только въ *отрицаніи* признаковъ Малороссійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ, различествуя совершенно въ окончательныхъ выводахъ. А потому соединить ваши два ученія въ одинъ живой составъ невозможно. Какъ же быть?.. Въ статьѣ «по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ» г. Лавровскій, выдавая *отсутствіе* признаковъ Мало-Россійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности за *фактъ* неопровержимый, говоритъ вотъ что: «Въ иныхъ обстоятельствахъ находится *вопросъ*, который можетъ возникнуть изъ этого *факта* и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается ли причина отсутствія признаковъ Малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности Южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бо́льшей части народа, какъ наприм.

и нынѣшній переходъ о въ *и*; — или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется непервобытностью большинства массы Южнорусскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ Южной Руси; другими словами — видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина» (см. въ *Основѣ* 1861, кн. 12 стр. 79). На мой взглядъ, этотъ *вопросъ* любопытенъ всего болѣе тѣмъ, что онъ съ такою важностью занятъ причинами несуществующаго явленія; ибо то *отсутствіе* признаковъ, о которомъ задался этотъ вопросъ, есть не *фактъ*, а только *фикція*, равно принадлежащая обоимъ мнѣніямъ. Но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, при разборѣ тѣхъ *основаній*, на которыхъ опирается вышеприведенное *положеніе* г. Лавровскаго.

Письмо II.

Въ статьѣ «По вопросу», г. Лавровскій говоритъ: «не каждый ли изъ Русскихъ, занимавшихся вопросомъ о древне-Русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла *самостоятельность* Южнорусскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности?» (стр. 81). Однако эти поиски, у троихъ Русскихъ, окончились совершеннымъ *отсутствіемъ* слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія въ древней письменности, и привели къ заключенію, что не было тогда и самаго нарѣчія Малороссійскаго на Кіевскомъ югѣ. Но развѣ можно по *отсутствію* разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности заключать и объ отсутствіи ихъ въ самомъ языкѣ? Я полагаю, *не можно*.

Начнемъ съ *нынѣшней* Малороссійской словесности на *народномъ* Южнорусскомъ языкѣ, начатой *Энеидою* Котляревскаго, 1797 года. Въ

этой поэмѣ (по второму изданію 1809 года) читаемъ:

Эней бувъ паробокъ моторный....
Пятами зъ Трои накивавъ.

Или:

Огонь на дворѣ розвели
И *мяса* въ казаны наклали,
Варили страву и пекли.
Пять казанивъ стояло юшки....

Здѣсь, въ отмѣченныхъ мною словахъ, не выражена та отличительная *особенность* Малороссійскаго нарѣчія и всего языка Южнорусскаго, что въ немъ губные звуки, не любя непосредственнаго сочетанія съ звукомъ *я*, отдѣляются отъ него буквою *ь*-мъ, а звукъ *м* принимаетъ и сродный ему *н* (*); потому тѣ слова выговариваются такъ: *пьятá*, *пьять*, *мьясо* и *мнясо*. Сообразно съ этимъ въ Шевченковомъ *Кобзарѣ* двухъ прежнихъ изданій было напримѣръ въ *Тополѣ:*

Чого *вьянешь*, моя доню?

Новый издатель *Кобзаря* (1860 г.), избѣгающій этой особенности Малороссійскаго выговора, поставилъ просто:

Чого *вянешь*, моя доню?

(*) Объ этомъ см. въ „Начаткахъ Русской Филологіи", 97 и 98.

Изъ этого примѣра видно уже, что и въ новой Малороссійской словесности на народномъ языкѣ разныя особенности его — *бываютъ* и *не бываютъ* выражены на письмѣ и въ печати, смотря по личному произволу и разумѣнію пишущихъ. Но возвратимся къ первому стиху *Энеиды:*

Эней *бувъ* паробокъ моторный.

Тутъ на глаголѣ *бувъ* означились разомъ двѣ особенности народнаго языка. Одна та, что окончаніе прошедшаго времени *лъ* произносится *въ* (что ведется также у Бѣлоруссовъ и, по сосѣдству съ Москвою, у Тверичей).

Другая особенность та, что этотъ вспомогательный глаголъ въ Южнорусскомъ языкѣ выдерживаетъ свой коренной слогъ *бу* не только въ *будущемъ* времени и въ наклоненіи повелительномъ *(будь)*, но и во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, производныхъ и сложныхъ: *бути*, *бувати*, *бувши*, *бувай*, *добути*, *забути*, *прибутна* вода, и прочая. Въ моей исторіи древней Русской Словесности (1839 г.), при обозрѣніи особенностей Южнорусскаго языка, было замѣчено, что и по-Санскритски *б'у* значитъ *быть*, а это «приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма этого глагола есть *древнѣйшая*» (стр. 122). Согласно съ моею

мыслію, и г. Лавровскій, въ своемъ *обзорѣ* (1859 г.), полагаетъ, что въ глаголѣ *бути* «не *ы* смѣнилось посредствомъ *у*, а *у* осталось отъ *первобытныхъ* временъ, не допустивши развитія въ *ы*, принятаго всѣми Славянскими нарѣчіями», (стр. 235). И такъ, можно безспорно признать, что это есть одна изъ самыхъ *исключительныхъ существенныхъ* и *древнѣйшихъ* принадлежностей языка Южнорусскаго. А между тѣмъ Малороссіяне обыкновенно писали *быти, былъ*—въ XVII-мъ, и XVI-мъ, и XV-мъ вѣкахъ, когда письменнымъ языкомъ у нихъ былъ такъ-называемый *Западнорусскій* общій для всей Юго-Западной Руси, который то приближался къ народному Южнорусскому, то переполнялся полонизмами, смотря по личности писавшихъ. Здѣсь *отсутствіе* глагола *бути* и окончанія *въ* вм. *лъ* не можетъ быть изъясняемо ни тѣмъ, что эти формы не успѣли еще развиться и охватить собою всю массу народа, ни отсутствіемъ самаго народа Малороссійскаго на Кіевскомъ югѣ. И если бы о существованіи разныхъ особенностей Южнорусскаго языка заключать «только по письменности», только по времени ихъ появленія въ ней — какъ это дѣлается въ отвѣтѣ г. Лавровскаго — тогда пришлось бы глаголъ *бути* причислить къ *новостямъ* Мало-

россійскаго нарѣчія, происшедшимъ во времена Уніи.

Ясное дѣло — во 1-хъ, что иная особенность *можетъ* принадлежать Южнорусскому языку съ незапамятной, *первобытной* древности — и не являться въ письменности даже до XVII-го вѣка; во 2-хъ, что одна и та же особенность народнаго языка можетъ быть и не быть въ письменности, а потому нѣтъ рѣшительной *невозможности* не высказаться всѣмъ свойствамъ народнаго языка въ письменномъ; въ 3-хъ, что *отсутствіе* разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности не можетъ служить прочнымъ *основаніемъ* для отрицанія ихъ въ живомъ языкѣ народа.

Если же, какъ очевидно изъ приведенныхъ мною примѣровъ, ни въ новой Малороссійской словесности на *народномъ* Южнорусскомъ языкѣ, ни въ старинной письменности Малороссіянъ на языкѣ *Западнорусскомъ*, не встрѣчаемъ *всѣхъ* особенностей нарѣчія Малороссійскаго: какъ же можно ожидать и требовать этого отъ *древней* Южнорусской письменности, бывшей на нашемъ богослужебномъ языкѣ *Церковнославянскомъ*, въ которую своенародный языкъ входилъ только изрѣдка, отрывочно, иногда лишь въ видѣ случайныхъ *обмолвокъ*?... А г. Лавровскій, въ своемъ

отвѣтѣ, ограничивая всю древне-Русскую письменность только *обще-Русскими* да *Новгородскими* отмѣнами отъ Церковнославянскаго языка и не допуская другихъ отмѣнъ въ живомъ языкѣ всей тогдашней Руси, говоритъ: «какъ же можно допустить, чтобы тамъ сямъ не обнаружились *всѣ* свойства народнаго языка, подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ, относящихся къ быту житейскому и для него назначенныхъ?» (стр. 30).

Но этихъ-то «тамъ-сямъ» и не осталось у насъ отъ древняго времени — для нарѣчія Малороссійскаго. Та именно древле-Кіевская и древле-Галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своенароднаго, погибла вся, покрайней мѣрѣ до нынѣ намъ ничего изъ нея неизвѣстно. Не только нѣтъ у насъ ни одной грамоты, ни простой какой либо записи въ древнемъ Южнорусскомъ подлинникѣ; не только такія произведенія свѣтскихъ людей, какъ Поученіе и Письмо Мономаховы, Слово о Полку Игоревѣ, но и самое Лѣтописанье Несторово, съ Кіевскимъ и Волынскимъ его продолженіемъ, дошли къ намъ въ Сѣверноруссскихъ спискахъ, не ранѣе конца XIV вѣка, усѣянныя многочисленными слѣдами говора Великорусска-

го — Суздальскими у Лаврентія, Новгородскими — у писцовъ Ипатьевскихъ.

При такомъ *отсутствіи* самихъ памятниковъ древней Южнорусской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ *отсутствіи* въ ней всякихъ слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія? Развѣ можно въ предметѣ еще не открытомъ и для насъ неизвѣстномъ отрицать всѣ его свойства, даже и такія, которыя весьма *могутъ* у него быть? Вѣдь у васъ, съ совершеннымъ *отсутствіемъ* всякихъ признаковъ, неразлучно связана *невозможность* не высказаться всѣмъ особенностямъ народнаго языка въ письменности, — и на этихъ двухъ *основаніяхъ* назначается Малороссійскому нарѣчію — *небытность* на Кіевскомъ Югѣ до нашествія Татарскаго. Но отъ возможности и невозможности обратимся къ *дѣйствительности*.

У меня въ виду — Несторово лѣтописанье, съ Кіевскимъ и Волынскимъ продолженіемъ, да Слово о Полку Игоревѣ: и я говорю опять по прежнему, что въ нихъ, подъ наноснымъ слоемъ *Великорусскаго* говора, принадлежащимъ позднѣйшей переписке, уцѣлѣли явные слѣды нарѣчія *Малороссійскаго*, принадлежащіе древнимъ подлинникамъ. Какіе же именно?

Чтобы въ выборѣ *филологическихъ примѣтъ* не встрѣтить новаго противорѣчія со стороны г. Лавровскаго, я обращусь сперва къ тѣмъ *особенностямъ*, которыя самъ онъ приводитъ изъ позднѣйшей Южнорусской письменности, называя ихъ *рѣзкими, отличительными чертами* Малороссійскаго нарѣчія, и о которыхъ говоритъ онъ въ заключеніе: «Гдѣ же *хоть одна* изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу въ древнѣйшихъ Русскихъ памятникахъ до XIV вѣка?» (стр. 34).

Не одна, а нѣсколько. И если г. Лавровскій въ тѣхъ особенностяхъ видитъ «несомнѣнные слѣды» Малороссійскаго нарѣчія въ позднѣйшей письменности и доказываетъ ими *новобытность* его, то и мнѣ можно, кажется, тѣ же самыя особенности называть *несомнѣнными слѣдами* Малороссійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ и доказывать ими *старобытность* этого нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ югѣ.

Особенность 1-я: «смѣшеніе *въ* съ *у*» (стр. 31). Но это смѣшеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле. Такъ въ Святославскомъ Изборникѣ 1073 г. *уселеная* вм. *въселеная*; наоборотъ, у Нестора, въ житіи Ѳеодосія (по списку XII в.) *вѣгодникъ* вм. *угодникъ*. Кіевская лѣто-

пись, какъ извѣстно тебѣ, особенно богата этою взаимною мѣною *в* съ *у*: «*вѣже* бѣ къ веснѣ»—«мятежъ *влеже*»; наоборотъ: *Уздвиженіе, узлюбиста, у весельи, у Переяславли* и прочая.

Такое же смѣшеніе принадлежитъ и Бѣлорусскому нарѣчію, и Новгородскому; но это не мѣшаетъ ему быть особенностью и языка Южнорусскаго. Одна и та же *филологическая примѣта*, принадлежа разнымъ нарѣчіямъ, входитъ въ *признакъ* каждаго, но составляетъ его своимъ *соединеніемъ* съ другими примѣтами, которыми тѣ нарѣчія разнятся между собою. Такъ ведется и въ наукахъ естественныхъ.

Особенность 2-я, приведенная г. Лавровскимъ изъ Малороссійскихъ лѣтописцевъ XVII вѣка: *изыйде* (вм. *изиде*), *прійшолъ*. А я приведу изъ древней Волынской лѣтописи: «*выйде* Филя»—«*изыйде* дырею градною»—«*изіиде* за Днѣпръ».

Особенность 3-я—«смѣшеніе *ы* съ *и*» (стр. 33). Но оно видно уже на предъидущемъ примѣрѣ: *изыйде* и *изійде*; оно не рѣдко встрѣчается въ древней Русской письменности, между прочимъ, и на словѣ *тысяча*. На что жъ было г. Лавровскому приводить даже написаніе *тисяча*, какъ послѣ-Татарскую новость! Древность этого смѣшенія *ы* съ *и* въ Новгородскомъ нарѣчіи—видна

изъ Остромірова Евангелія, гдѣ встрѣчается: *многашьды* и *многашъди*.

Особенность 4-я — «потеря *ть* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа», напри. *скаже* (стр. 33). Много сказано: потеря; ибо Малороссіяне опускаютъ *ть* только послѣ *е*, но удерживая при соединеніи съ мѣстоименьемъ *ся: хоче, хочеться*. А что это опущеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле, видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. У Нестора: «Рѣша же Кіяне.... а княгини наша *хоче* за вашь князь». Въ Словѣ о П. И. «Печаль жирна *тече*». Для нарѣчія Новгородскаго, гдѣ эта потеря *ть* гораздо бо̀льшая (ибо бываетъ не только въ единственномъ числѣ, но и во множественномъ, не только послѣ *е*, но и послѣ *и*), я приведу изъ послѣсловія, *написаннаго* діакономъ Григорьемъ въ Остромировомъ Евангеліи, извѣстныя слова: «да иже горазнѣе сего *напише*».

Видишь самъ, любезный академикъ, что я даю удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ г. Лавровскаго о встрѣчѣ *хоть одной* изъ тѣхъ особенностей въ древней письменности, и что у него *не одна* изъ нихъ отнесена ошибочно и напрасно къ новостямъ, происшедшимъ послѣ XIII вѣка.

А вотъ и особенность 5-я, которую самъ г. Лавровскій допускаетъ въ древнее время, въ видѣ областнаго исключенія, для Новгородскаго сѣвера и для Русскаго юга: *и* вм. *ѣ* и наоборотъ. Объ ней будетъ рѣчь послѣ; а теперь я прибавлю еще отъ себя двѣ филологическія примѣты Малороссійскаго нарѣчія, взятыя отъ формъ граматическихъ.

Особенность 6-я—изъ Слова о П. И. «Подперъ горы *Угорьскыи*»—«а въ нихъ трепещутъ *синіи* млъніи» и прочая. Изъ Волынской Лѣтописи: «Поженемъ на *великыи* бороды». Эта постановка прилагательнаго имени женскаго род., съ окончаніемъ *ыи, ыі*, вмѣсто Церковнославянскихъ *ыи, ія, ял*, сдѣлана тамъ по нарѣчію Малороссійскому, принявшему издревле окончаніе *и* для всѣхъ трехъ родовъ *безразлично*. Противъ этого окончанія на *и* сильно возставалъ Ломоносовъ (*), въ своей Россійской

(*) На дняхъ, перелистывая попавшійся мнѣ подъ руку *Appendix* ad Floram Ingricam, изданный Гортеромъ 1764 г., я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Ломоносовъ занимался и ботаникою, и первый нашелъ для Петербургской флоры — *колокольчикъ широколистый*. Campanula latifolia... Habitat in Ingria ad fabricam Rudicensem 60 werstas Petroburgo. D. consiliarius status M. Lomonosow.“

Вонъ гдѣ гулялъ онъ за сто лѣтъ, не задолго уже передъ смертью! (†1765 г. 4 Апр.)

граматикѣ, утверждая нынѣшнее окончаніе на *е* и *я*.

Особенность 7-я—изъ Слова о П. И. «*Уже понизить* стязи, *вонзить* свои мечи вережени!» Эта форма повелительнаго наклоненія 2 лица множ. числа на *ить* вмѣсто *ите*, въ Малороссійскомъ нарѣчіи живетъ до нынѣ,—а потому и въ Словѣ о П. И. *понизить*, *вонзить* поставлено *по-Малороссійски*.

Я надѣюсь, что этихъ *семи* особенностей, взятыхъ вмѣстѣ, весьма уже достаточно, чтобы признать *явное присутствіе* Малороссійскаго нарѣчія въ древней Южнорусской письменности; а потому признать и *старобытность* этого нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа — на нашемъ Кіевскомъ югѣ. А при этомъ признаніи— *мнимое отсутствіе* Малороссійскаго нарѣчія во всей древне-Русской письменности исчезаетъ само собою, какъ призракъ или недосмотръ филологическій.

Можетъ быть и г. Лавровскій, поглядѣвъ безпристрастно, безъ увлеченія, на эту седмерицу особен-

---

Flora Ingrica ex schedis *Stephani Krascheninnikow* confecta, издана Гортеромъ 1761 г. Кстати помянуть намъ и этого *перваго изъ Русскихъ* профессора ботаники, родомъ Москвича, трудившагося для Петербургской флоры по возвращеніи изъ Камчатки.

ностей, не станетъ уже повторять, что Малороссійское нарѣчіе «нигдѣ и ни въ чемъ» не высказалось до XIV вѣка, что его «не видно и не было», на югѣ Россіи, до нашествія Татарскаго. А для бо̀льшаго побужденія къ тому, я припомню здѣсь, что̀ сказалъ Шафарикъ, въ Славянскомъ народописаніи, о двухъ *Изборникахъ*, списанныхъ дьякомъ Іоанномъ 1073 и 1076 г. и о Крилосскомъ евангеліи 1143 г., что въ нихъ — «быстрый и опытный глазъ находитъ слѣды *многихъ формъ Малороссійскихъ*».

Особенность 8-я—сочетаніе звука *ц* въ *концѣ словъ* только съ тонкими гласными и *ь*. Когда я встрѣчаю у Нестора, напримѣръ: «Преставися *царицѧ* Володимеряя Анна, или: у *отця*, у *оконця*, то говорю, что здѣсь отозвалось у него нарѣчіе Малороссійское; ибо по-Церковнославянски, да и по-Великорусски было-бы: *царица*, у *отца*, у *оконца*.

Въ отвѣтѣ г. Лавровскаго эта филологическая примѣта опровергается тѣмъ, что такое же сочетаніе звука *ц* съ тонкими гласными составляетъ и теперь «принадлежность говора Новгородскаго, и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погибло уже и въ нарѣчіи Малорусскомъ» (стр. 36).

Погибло... да было ли когда нибудь? Говорится и нынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчіи, какъ у Нестора, *цариця*, но говорилось ли *цяряця* — это еще вопросъ. Въ томъ и разница, что въ Малороссійскомъ нарѣчіи звукъ требуетъ тонкихъ гласныхъ только въ *концѣ* словъ; а въ Новгородскомъ—въ концѣ и въ срединѣ по свидѣтельству Даля, на котораго ссылается г. Лавровскій. Но главное дѣло въ томъ, что г. Лавровскій отрицаетъ у меня древнюю примѣту Малороссійскаго нарѣчія за ея сходство съ Новгородскою, и то за сходство не полное; а самъ онъ, какъ видѣли мы, ставитъ не одну такую *особенность*, которою сходится Малороссійское нарѣчіе не только съ Новгородскимъ, но и съ Бѣлорусскимъ и Среднерусскимъ. За чтожъ такая неравномѣрная льгота себѣ и стѣсненіе другому въ выборѣ филологическихъ примѣтъ?... По такому способу дѣйствія легко отобрать у г. Лавровскаго и всѣ остальныя *особенности*, которыми доказываетъ онъ мнимую новобытность Малороссійскаго нарѣчія. Напримѣръ, у него поставлено: «употребленіе *з* вмѣсто *с* въ предлогѣ *съ*» (стр. 31). А я въ опроверженіе приведу изъ твоего предисловія къ Псковской лѣтописи – *первую* изъ замѣченныхъ тамъ «*Особенностей* въ выговорѣ: *с* выговарива-

лось какъ *з* передъ нѣкоторыми буквами, подобно какъ выговаривается въ Москвѣ, напримѣръ, *з дятлемъ, з бояры, з берега...*» (стр. XXVIII).

Отъ меня требуетъ г. Лавровскій «исключительныхъ Малороссизмовъ»; а самъ въ «Отвѣтѣ» своемъ, приводитъ иногда такіе Малороссизмы, которыхъ и нѣтъ въ народномъ Малороссійскомъ нарѣчіи; напримѣръ: *вышше, нижей*, для *лутшого*. Такія формы принадлежатъ *письменному* языку Западнорусскому, а *по-Малороссійски* было бы: *вышче, нижче*, для *луччого*.

Особенность 9-я, противъ которой было и твое возраженіе, состоитъ въ томъ, что Малороссійское нарѣчіе, сходно съ Церковнославянскимъ и Бѣлорусскимъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г, х, к*, на *з, с, ц*, передъ *ѣ*, въ предложномъ падежѣ, а въ именахъ женск. рода и въ дательномъ. И когда я встрѣтилъ у Нестора въ Кіевской лѣтописи: *на порозѣ, по дорозѣ*, то говорю, что это поставлено *по-Малороссійски* (по-Бѣлорусски было-бы *на парозѣ, по дарозѣ*, а по-Великорусски— *на порогѣ, по дорогѣ*). Г. Лавровскій говоритъ въ возраженіе, что тѣ формы въ древности на столько же Южнорусскія, на сколько и Сѣверно-русскія; что, кромѣ *полногласія* этихъ формъ, онѣ «не только Церковнославянскія и Русскія, но,

въ древности, обще-Славянскія» (стр. 36). Но *полногласіе*-то, вмѣстѣ съ перемѣною *г* на *з*, и даетъ мнѣ право называть эти формы Нестора—*Малороссійскими*; а по-Церковнославянски—было-бы *на празѣ, но*... но въ этомъ языкѣ существительное имя *драга*, кажется, и непринято. Къ тому же, у насъ идетъ рѣчь не объ той первобытной древности, когда всѣ Славяне были *устиѣ единѣ*; но объ той, когда на Руси уже молились и писали на языкѣ Церковнославянскомъ; когда Кіевъ былъ средоточіемъ Русскаго міра, и *было* уже на Кіевскомъ Югѣ нарѣчіе Малороссійское со *многими* своими особенностями (какъ доказано выше); когда и Великорусское нарѣчіе *было* уже объособившимся (хотя въ «Отвѣтѣ» г. Лавровскаго объособленіе и Великорусскаго нарѣчія также относится ко времени послѣ-Татарскому). И если мы видимъ, что *Великорусское* нарѣчіе давно отказалось отъ этой, нѣкогда обще-Славянской, измѣняемости гортанныхъ звуковъ передъ *ѣ*, то *удержаніе* этой древней измѣняемости въ нарѣчіяхъ *Малороссійскомъ* и *Бѣлорусскомъ* становится для насъ отличительною чертою ихъ отъ Великорусскаго. Когда же у Великороссіянъ *средне-Русскаго* нарѣчія говорится еще: *на парозѣ, по дарозѣ*, то это есть уклоненіе отъ господствующаго Великорусскаго говора, под-

ходящее къ Бѣлорусскому. (Такъ Новгородское *и* вм. *ѣ* есть областное исключеніе изъ *Сѣверно-русскаго* говора на *е*, подходящее къ *Южно-русскому*; такъ въ этомъ языкѣ Сѣверское *е* вм. *ѣ* есть областное исключеніе, подходящее къ средне-Русскому и Бѣлорусскому.)

Если въ кругу Русской рѣчи Великороссіяне отмѣнились издавна *потерею* нѣкоторыхъ древнихъ ея принадлежностей, такихъ, *удержаніе* которыхъ составляетъ нынѣ *особенность* нарѣчія Малороссійскаго, то за эту Великорусскую потерю и отмѣну—несправедливо называть *не-Малороссійскими* такія постоянныя принадлежности Малороссійскаго нарѣчія, которыя присущи ему донынѣ, какъ и во времена первобытныя,—особливо когда такое непризнаніе ихъ *Малороссійскими* клонится къ отрицанію и самаго нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа на Кіевскомъ Югѣ, до нашествія Татарскаго. И такъ повторяю: *на порозѣ, по дорозѣ* (*), въ древле-Кіевскомъ лѣто-

(*) Когда въ Псковской лѣтописи (подъ 1481 г.) читаю: „аще у кого конь свернетъ *з дорозѣ*“—я предполагаю здѣсь неудачное склоненіе полногласнаго Русскаго слова на манеръ Церковнославянскій. Вѣдь и у Псковичей, вѣроятно, говорится по-обще-Русски: свернуть *за дороги*.

писаньи поставлено *по-Малороссійски*. Но когда я встрѣчаю у Нестора: «И пріѣха князь Печенѣжьскый *къ рѣкѣ*...», то говорю утвердительно, что это поставилъ въ XIV вѣкѣ Лаврентій отъ себя *по-Великорусски*; у Нестора же, по Малорусски и по-Церковнославянски, должно быть: *къ рѣцѣ*. Вотъ вамъ одинъ изъ первыхъ *слѣдовъ* Великорусскаго нарѣчія въ письмахъ древле-Кіевскихъ; о другихъ слѣдахъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ; а здѣсь я приведу еще хотя двѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, состоящія въ *удержаніи* древле-Славянскихъ свойствъ, утраченныхъ нарѣчіемъ Великороссійскимъ.

Особенность 10-я — удержаніе *звательнаго* падежа, для именъ мужскаго и женскаго рода единств. числа, въ полномъ развитіи. И когда въ Словѣ о П. И. Ярославна взываетъ: «о Днѣпре *Словутицю*!» то это также *по-Малороссійски*, какъ и въ Энеидѣ Котляревскаго, Юпитеръ говоритъ Венерѣ:

Охъ, *доцю*, ты моя голубка.

Словутиця есть ласково-уменьшительная форма существительнаго имени *Словута*—Украинское величаніе Днѣпра (*Словутою*, а не *Словутомъ*, какъ стали писать новые Малороссійскіе поэты, вопреки народному употребленію этого слова). Дру-

гія имена того же окончанія, напримѣръ, *царица*, *зовица*, въ звательномъ падежѣ идутъ не съ *ю*, а съ *е*, какъ и въ языкѣ Церковнославянскомъ:

Ой, *царице*, наша мати!

Великороссіяне въ своемъ нарѣчіи совсѣмъ отказались отъ *звательнаго* падежа, безъ сомнѣнія, еще въ глубокой древности; ибо, не смотря на столь долгое сближеніе съ Церковнославянскимъ языкомъ, они заимствовали изъ него этотъ падежъ только для нѣкоторыхъ словъ, въ призываніи имени Божія: Боже! Господи! Владыко! и т. п.

Особенность 11-я—удержаніе дательнаго падежа для существ. именъ муж. рода съ *двоякимъ* окончаніемъ, на *у*, *ю*, и *ови*, *еви*... Но довольно!

Такія особенности сами по себѣ, конечно, были бы еще недостаточны для признанія самостоятельности и отдѣльности Малороссійскаго нарѣчія въ древнее время. Но въ *совокупности* съ вышеприведенными *семью* филологическими примѣтами тоже древними, но болѣе отличительными—онѣ и сами получаютъ и имъ придаютъ полную силу на окончательное *утвержденіе* Малороссійскаго нарѣчія особымъ и самостоятельнымъ *на Кіевскомъ Юги*, *и въ древнее, до-Татарское время*. Не правда-ли?

Письмо III.

Въ предыдущемъ письмѣ я успѣлъ, кажется, показать ясно, что Малороссійское нарѣчіе въ древле-Кіевскихъ писаніяхъ отозвалось не однѣми только *Общерусскими* примѣтами, но *десятью* своими особенностями, присущими ему издревле и донынѣ. Вотъ это — *фактъ* достовѣрный и непреложный, при которомъ оное *отсутствіе* всякихъ признаковъ Малороссійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности оказывается напрасною, преходящею *фикціей*. Да, этимъ мнимымъ *отсутствіемъ* и основаннымъ на немъ *отрицаніемъ* Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ югѣ до нашествія Татарскаго повторилось въ Русской филологіи такое же явленіе, какимъ въ Русской исторіи, лѣтъ за тридцать, была скептическая школа нашего приснопамятнаго учителя и товарища Каченовскаго, противъ которой первымъ поборникомъ былъ ты, и былъ не безуспѣшно. Такимъ же образомъ и тѣ

два *положенія* г. Лавровскаго, 1) что вся древне-Русская письменность не представляетъ никакихъ другихъ отмѣнъ народнаго языка отъ церковно-славянскаго, кромѣ *Общерусскихъ* да *Новгородскихъ*, и 2) что Русская рѣчь до нашествія Татарскаго не представляетъ того раздѣленія на нарѣчіе *Великорусское* и *Малороссійское*, какое видно съ XIV вѣка, — оба эти положенія должны быть упразднены навсегда, какъ несовмѣстныя съ вѣрнымъ и прочнымъ достояніемъ науки.

Въ отвѣтѣ своемъ, г. Лавровскій говоритъ обо мнѣ: «Признавая Малороссійское нарѣчіе и въ древнее время со *всѣми* тѣми отличительными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ *исторіи* языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій» (стр. 22). Нѣтъ, это значитъ, что г. Лавровскій, въ своемъ *процессѣ опроверженія*, взводитъ на меня напраслину. Нѣтъ, я не усиливался, какъ говоритъ онъ — «*видѣть* въ Малороссійскомъ нарѣчіи *все древнѣйшимъ*» (стр. 38); но на то, что само бросается въ глаза, я не смотрѣлъ сквозь пальцы. Я признаю *древнимъ* и *древнѣйшимъ* въ Малороссійскомъ нарѣчіи то, что открывается мнѣ — или *непосредственно* изъ древнихъ Южнорусскихъ писаній (какъ вышеприведенныя *десять* особен-

ностей), или же путемъ *сравнительнаго* языкознанія (какъ вспомогательный глаголъ *бути*, т. е. *быть*, по-Санскритски *б'у*). Я признаю *древнимъ* въ Малороссійскомъ нарѣчіи *многое*, но не *все:* зачѣмъ же смѣшивать эти два слова и понятія? А для совершеннаго устраненія отъ себя напраслины, я охотно повторю слѣдующія слова г. Лавровскаго, что «и Малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде; да и странно было бы настаивать на противномъ!» (стр. 23). Я признаю вполнѣ *исторію* Русскаго языка и Русскихъ нарѣчій; это видно уже изъ того, что я трудился надъ ея разработкою нѣсколько прежде г. Лавровскаго, еще въ тридцатыхъ годахъ... Но я не могу признать и одобрить той *исторіи* Русскаго языка, которая *древнія* принадлежности его выдаетъ за *новыя*, и то развитіе Русской рѣчи во многія нарѣчія, которое совершилось еще въ древнемъ періодѣ, начинаетъ — во время Татарщины. Остановимся на слѣдующемъ мѣстѣ *Отвѣта* г. Лавровскаго.

«Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ, это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею

силою въ письменности. Такъ, на Сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лъ* въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тъ* въ 3 лицѣ настоящаго времени единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на Югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами Сѣверными, явились и свои собственныя».... (стр. 31).

Какая же это *исторія* Русскаго языка? Развѣ съ XIV вѣка, напримѣръ, спрягаемое причастіе *(лъ, ла, ло, ли) начало* употребляться въ смыслѣ глагола прошедшаго времени? Нѣтъ, оно и въ письменности Русскаго Сѣвера видно еще съ первой четверти XII вѣка; въ доказательство укажу на Мстиславову грамоту Юрьеву монастырю, въ которой написано: «а язъ *далъ* рукою своею». Пусть г. Лавровскій заглянетъ еще въ грамоту Всеволодову; а мы обратимся къ писаніямъ Южнорусскимъ. У Пѣвца Игорева болѣе десяти разъ встрѣчается нынѣшняя Русская форма прошедшаго времени: «*Были* вѣчи (т. е. *вѣци)* Трояни, *минула* лѣта Ярославля» — «Дремлетъ Ольгово хороброе гнѣздо, далече *залетѣло*» — «Уже бо, братіе, не веселая година *въстала*» и проч. Изъ Кіевской и Волынской лѣтописи можно брать при-

мѣры не единицами, а десятками: «Тогда Володимеръ Мономахъ *пилъ* золотымъ шоломомъ Донъ» и т. п. А вотъ и самъ онъ пишетъ къ Олегу *1096* года: «А братцю моему судъ *пришелъ*» и т. п. Въ Несторовой лѣтописи встрѣчаемъ: «(Кій) велику честь *пріялъ* отъ царя, при которомъ приходивъ цари», или: «глаголите, что вы *казалъ* царь?» или: «нѣ ли мужа? се нашь *доспѣлъ*». А чтобы видѣть, когда на Югѣ *начало* употребляться въ письменности спрягаемое причастіе въ смыслѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, я укажу на рѣзную надпись Тмутороканскаго камня: «Въ лѣто 6576 (т. е. *1068*) Глѣбъ князь *мѣриль* море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева». Отсюда видно ясно, что наша нынѣшняя форма прошедшаго времени глаголовъ принадлежала и въ древности народному языку Сѣверной и Южной Руси; что она составляетъ одно изъ *древнихъ* и *Общерусскихъ* отличій нашей народной рѣчи отъ языка церковнославянскаго (въ которомъ спрягаемое причастіе *лъ* было не самостоятельнымъ, а всегда со вспомогательнымъ глаголомъ *есть*, т. е., въ видѣ прошедшаго сложнаго). Вотъ это я признаю и выдаю за непреложный *фактъ*, на которомъ и должна основываться

исторіи Русскаго языка въ своихъ соображеніяхъ относительно прошедшаго времени глаголовъ (*).

Г. Лавровскій, въ отвѣтѣ своемъ, особенно настаиваетъ, чтобы и прошедшія времена на *хъ* были народно-Русскими до XIV-го вѣка. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, видя, что г. Лавровскій и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, называетъ «рѣшительными *фактами*» то, что несогласно съ *дѣйствительностью*. Я попрежнему полагаю, что Русская рѣчь на первой порѣ своего обособленія отказалась отъ этихъ формъ прошедшаго времени, что онѣ снова явились на Руси съ языкомъ церковно-Славянскимъ, но были только въ письменномъ языкѣ Руси, не обра-

(*) Полюбопытствуй взглянуть на старѣйшую изъ Южнорусскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникѣ, — на Галицкую *купчую запись 1351 года*, отысканную покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ: въ ней увидишь одну нынѣшнюю форму прошедшаго времени — *далъ*, *купилъ*, *сталося* и проч. (Писцомъ былъ Иванъ Грюдковичъ). Но вотъ писанное спустя сто лѣтъ, въ Печерской Лаврѣ, *Духовное завѣщаніе* князя Андрея Владиміровича, *1446 года:* тутъ встрѣчается такое же смѣшеніе церковнославянскихъ формъ прошедшаго времени съ Русскою, какъ и въ Кіевской и въ Волынской лѣтописи *размыслихъ*, *поклонихомся*, и *далъ есмь*, *помыслилъ есмь*, и *далъ*, *жили*, *пошли* („а *писалъ* старець Пахнотій, Лихачевъ братъ").

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

щаясь въ достояніе языка народнаго. А если бы онѣ продолжались, въ народно-Русскомъ языкѣ до XIV вѣка, то не были бы покинуты вдругъ и такъ согласно во всѣхъ разобщенныхъ тогда концахъ Русскаго міра, ежедневно ему напоминаемые языкомъ церковно-Славянскимъ.

Г. Лавровскій, настаивая всячески, чтобъ и двойственное число и прошедшія на *хъ*, были народно-Русскими до XIV вѣка, говоритъ: «Зачѣмъ въ XII и XIII–мъ вѣкахъ не встрѣчаемъ, на примѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двойственнаго числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу и неумѣстное употребленіе числа двойственнаго?» (стр. 29).

Вольно же не замѣтить и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вѣка такихъ ошибокъ, какъ *послаше, повельше* вм. *посла, повель* (не говорю о *въсхотѣ* вм. *въсхотѣхъ*—въ евангеліи Остромировомъ). Въ XII вѣкѣ, у Кирилла Туровскаго: «*придоша* двѣ женѣ» вм. *придоста* (см. 4-е слово по сп. XIII в.) или въ XI вѣкѣ, въ Остромировомъ евангеліи: «спаси ся самъ и *насъ* вм. *наю* (по примѣчанію Востокова). Этихъ двухъ знаменитыхъ *ошибокъ* противъ двойственнаго числа, въ XI и XII

вѣкахъ, достаточно для усмотрѣнія, что употребленіе *множественнаго* числа вмѣсто двойственнаго *началось на Русскомъ Сѣверѣ* не съ XIV-го вѣка, а еще въ *древнее* время (*).

А г. Лавровскій считаетъ даже нѣкоторою обидою для народной Русской рѣчи то, что я отчуждаю отъ нея прошедшія на *хъ* и двойственное число еще до наступленія XIV вѣка! Онъ говоритъ: «за что же одинъ Русскій языкъ приходится осуждать на *застой* и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Не ужели за то, что народъ Русскій имѣлъ и имѣетъ счастіе слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковно-Славянскимъ?» (стр. 29).

Боже сохрани! Но при этомъ-то счастіи и было бы чудачествомъ Русскаго человѣка—отказаться отъ такой дорогой собственности, языка своего въ самое время Татарщины, когда начали уже приниматься въ составъ народно-Русской рѣчи нѣко-

(*) Для показанія невыдержки двойственнаго числа, приведу еще слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи Кіевской: „Того же (1190) лѣта Святославъ, сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, утишивша землю Рускую и Половци примиривша въ волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по Днѣпру въ лодьяхъ, на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша и обловившася множествомъ звѣрей.

торые церковно-Славянизмы, въ томъ числѣ и стеченіе звуковъ *жд* вм. *ж*, столь нелюбимое для Русскаго слуха въ древнее время. Нѣтъ, видно Русскій народъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности своего первобытнаго языка еще въ отдаленную пору язычества, и совсѣмъ отвыкъ отъ нихъ, если не усвоилъ ихъ и во времена христіанства отъ языка церковно-Славянскаго. Да и что-же обиднаго въ томъ, что народно-Русскій языкъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности не во время Татарщины, а еще пожалуй, хоть до Козарщины?.. Развѣ обидно для всѣхъ нынѣшнихъ Западно-Славянскихъ языковъ, до-Дунайскихъ и за-Дунайскихъ, если скажемъ, что они всѣ, еще въ незапамятную пору, утратили, напримѣръ, окончаніе 3-го лица *ть* или *тъ* (за исключеніемъ глагола *есть* (*); а Русскіе въ своемъ языкѣ удержали это окончаніе донынѣ, и въ своей древней письменности придавали его иногда даже къ церковно-Славянскимъ окончаніямъ преходящаго времени *ше, ху* (наприм. *бяшетъ, бяхуть*)? Обид-

(*) Впрочемъ, глаголъ *есть* и въ Западной Славянщинѣ, какъ у насъ на Руси, ведется издревле и въ сокращенной формѣ *е, ѣ* (йо). Я говорю, ведется издревле: ибо *е* вм. *есть* встрѣчается нерѣдко въ Святославскомъ Изборникѣ 1073 г. и въ евангеліи Остромировомъ, и въ статьяхъ Фрейзингенскихъ. Оно находится и въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія по сп. XII в.

но-ли будетъ для Польскаго языка, если скажемъ, что и въ немъ прошедшія на *хъ* утратились въ незапамятной древности, между тѣмъ какъ въ языкѣ Лужичей и Сербовъ они живутъ искони и донынѣ въ полномъ развитіи, какъ были въ языкѣ церковно-Славянскомъ? Но г. Лавровскому хочется, чтобы и въ псалтирѣ Маргариты встрѣчаемое тамъ преходящее время было остаткомъ народно-Польскимъ (стр. 24), и онъ говоритъ, что ни одинъ ученый Польскій «не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковно-Славянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковно-Славянскія» (стр. 29). А я ему укажу на Дешкевича, который въ своихъ *Розправахъ*, тѣ немногіе случаи преходящаго времени на *хъ* въ Псалтирѣ Маргариты (XIV в.) именно называетъ заемными изъ языка церковно-Славянскаго. Обидно-ли, наконецъ, для Великорусскаго языка, если говорятъ, что въ немъ издревле утратился звательный падежъ и заимствуется лишь для немногихъ словъ изъ языка церковно-Славянскаго; между тѣмъ, какъ въ Южнорусскомъ языкѣ этотъ падежъ искони и донынѣ живетъ въ такомъ же полномъ развитіи, какъ и въ языкѣ Польскомъ (припоминаю: «о Днѣпре *Словутицю*»)?..

Если я отчуждаю отъ народной Русской рѣчи

тѣ двѣ принадлежности не съ XIV вѣка, а еще въ до-христіанское время, то это вовсе не значитъ, чтобы я осуждалъ ее на *застой* и на утрату *всего* древняго—въ *до-историческую* пору. Въ замѣнъ тѣхъ двухъ принадлежностей, я возвращаю права на глубочайшую древность нѣкоторымъ другимъ отличительнымъ свойствамъ Русской рѣчи. Таковы, напримѣръ, два вида *полногласія*. Первый, которымъ Русская рѣчь отмѣнилась отъ всей Западно-Славянской, состоитъ въ обстановкѣ серёдочныхъ звуковъ *р* и *л* двумя гласными (*о-о*, *е-е*), не краткими и не бѣглыми, напримѣръ, въ словахъ: *порохъ*, *прахъ*, по Санскр. *парага*; *боровъ*, *бравъ*, по Санскр. *варага*; *волога*, *влага*, по Санскр. *балага* и т. п. Другой видъ полногласія состоитъ въ удержаніи коренныхъ гласныхъ *о*, *е*, обращенныхъ церковно-Славянскимъ языкомъ въ полугласныя *ъ*, *ь*, напримѣръ, *волкъ*, *дождь*, *левъ*, *день* по церковнославянски *вълкъ*, *дъждь*, *лвъ*, *дьнь* (*).

(*) Сюда же можно отнести и нѣкоторыя грамматическія окончанія церковно-Славянскаго языка, наприм. творительный падежъ на *змь*, котораго не могъ выдержать строго даже діаконъ Григорій въ Остромировомъ евангеліи и поставилъ: *словомь*, подъ *спудомь*, вм. *словомь*, подъ *спудомь*.

Мои мысли о *полногласіи* вообще и его отличительныхъ видахъ подробно изложены въ *начаткахъ Русской филологіи*.

Такимъ же образомъ и теперь я подтверждаю право древности за *многими* особенностями Малороссійскаго и Великороссійскаго нарѣчія, которыхъ появленіе, по Отвѣту г. Лавровскаго, начинается съ XIV вѣка.

Если я полагаю, что Русская рѣчь разошлась на свои нарѣчія еще въ *древнѣйшую* пору, что они сложились отмѣнными другъ отъ друга, въ своихъ главныхъ и существенныхъ чертахъ, еще въ *древнее*, до-Татарское время, то это значитъ, что я вполнѣ признаю давно совершившуюся надъ ними «неизбѣжность развитія». Напротивъ, тотъ осуждаетъ Русскую рѣчь на чрезмѣрно-долгій *застой*, кто ее предполагаетъ безразличною и цѣльною, нераздѣленною на нарѣчія — даже до нашествія Татарскаго. Какъ будто гроза Батыевская въ самомъ дѣлѣ такъ много значила для внутренняго переворота всей Русской рѣчи и быстраго распаденія ея на нарѣчія! Или землетрясеніе, внушившее Сераѳіону краснорѣчивое слово, было для единой Русской рѣчи такимъ же переворотнымъ событіемъ, какимъ изображено въ Книгѣ Бытія *разсѣяніе* людей и *смѣшеніе* языковъ?...

Когда же и по «новомъ обслѣдованіи *вопроса*» (желанномъ отъ меня и г. Лавровскимъ, стр. 40), прежнее мнѣніе о *безразличіи* Русской рѣчи до

XIV вѣка оказывается изветшалою *пусткою*, пригодною только для живописи, а не для житья,— то напрасно подводить подъ нее и то *основаніе* которое въ Отвѣтѣ названо — «неопровержимымъ фактомъ *близости* всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу до XIII—XIV столѣтій» (стр. 35). Эта *близость*, конечно, противорѣчитъ господству и въ томъ столѣтіи *всѣхъ нынѣшнихъ* особенностей каждаго нарѣчія (какого господства, впрочемъ, никто и не утверждаетъ). Но эта же *близость*, даже преувеличенная — и прошедшими на *хъ*, и двойственнымъ числомъ, и достигательнымъ видомъ (который, впрочемъ, уже въ Остромировомъ евангеліи смѣшивается иногда съ обыкновеннымъ, совершительнымъ видомъ неопредѣленнаго наклоненія)—она не въ силахъ противорѣчить тому филологическому *положенію*, что всѣ нарѣчія какъ *Западно-Славянскія*, такъ и *Русскія* или *Восточно Славянскія*, уже за тысячу лѣтъ существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же *существенными* своими признаками, какими отличаются теперь.

Въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго это признается на Руси только за нарѣчіемъ *Новгородскимъ*, въ которомъ онъ усиливается видѣть *все древнѣйшимъ* (да сбудется притча о бревнѣ въ глазу). Въ

Описаніи семи рукописей, онъ говоритъ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія: «ихъ присутствіе въ спискахъ старо-Славянскихъ XI и XII вѣка даетъ возможность возводить начало появленія и ихъ въ *доисторическую* пору, *на ряду* съ особенностями вообще языка Русскаго» (стр. 67). Дозволяя себѣ такую *возможность* для Новгородскихъ особенностей, онъ долженъ предоставить эту же возможность и другимъ для особенностей нарѣчія Малороссійскаго и Великорусскаго, встрѣчаемыхъ въ письменности XI и XII вѣка. Но нельзя же, переступая за нашъ историческій *тысячелѣтній* рубежъ — въ *доисторическую* древность, ставить въ ней все въ одинъ рядъ безразлично. Какую бы глубокую, хоть до-Вадимовскую, древность ни допустили мы для Новгородской мѣны звуковъ *ч* на *ц* и *ц* на *ч*, все же эта особенность есть уже отступленіе отъ господствующаго и *первоначальнаго* распредѣленія этихъ двухъ звуковъ между словами; а потому она принадлежитъ уже ко *вторичнымъ*, частнымъ, областнымъ измѣненіямъ Русской рѣчи и не можетъ быть поставлена *на ряду* съ *Общерусскими* ея принадлежностями. Новгородскую перемычку согласныхъ звуковъ *ч* и *ц* изъ одного слова въ другое — можно поставить наряду съ Малороссійскою мѣною

согласныхъ же звуковъ *ф* на *хв* и наоборотъ *хв* на *ф* (*).

Г. Лавровскій и въ Новгородской формѣ *дожгь* вм. *дождь* усиливается видѣть форму первообразную и производитъ это слово отъ Санскритскаго глагола *дуг* (доить), отъ котораго—говоритъ онъ—«весьма естественно могло образоваться и слово *дъгjъ*=*дъжгъ*=*дъждь.*»... (*Опис.* стр. 71). На письмѣ, конечно, легко произвесть отъ корня *дуг*—слово *дъгjъ;* но выговорить его вслухъ совсѣмъ неспособно и не естественно: прильпнетъ языкъ къ гортани! Если бы у Новгородцевъ это слово было подъ фирмою *догь*, тогда бы еще можно производить отъ нея *дождь* и *дъждь;* когда же оно издревле видно подъ формою *дожгь*, *дъжгь*,

---

(*) Покойный *Д. П. Голохвастовъ* говорилъ мнѣ, что онъ узнаетъ моихъ земляковъ по ихъ просьбамъ къ нему объ опредѣленіи въ студенты, въ которыхъ пишутъ они—*Голофастову*. Между тѣмъ у тебя, въ предисловіи къ Псковской Лѣтописи, сказано: „Есть слѣды Малороссійскихъ *хв: охвочимъ* человѣкомъ“. Нѣтъ, эта постановка *хв* вм. *х* есть не Малороссійская, а тамошняя верхне-Русская, по которой и въ Кіевской лѣтописи (подъ 1182 г.) написано *уохвотишася*, конечно, писцами Ипатьевскими, вм. *уохотишися*. Въ Малороссіи говорили *охочій, охочекомонный* и т. п., какъ говорятъ и до сего дне.

то здѣсь звукъ *г* есть такая же замѣна звука *д*, какъ и въ предлогѣ *гля* вм. *для* или *дьля*, и въ словѣ *яжгеніе* вм. *яжденіе* (ѣзда), приводимомъ изъ извѣстной Минеи «*XI или XII вѣка*».

Между тѣмъ, въ старѣйшемъ памятникѣ Новгородской письменности, въ Остромировомъ евангеліи, не встрѣчаются ни разу эти двѣ особенности Новгородскаго говора. Такое *отсутствіе* двухъ главныхъ, исключительныхъ его примѣтъ служитъ новымъ опроверженіемъ того *основанія*, которое названо въ Отвѣтѣ «*невозможностью* не высказаться особенностямъ народнаго языка». Подъ перомъ діакона Григорья высказались, хоть по разу, *многія* особенности своенароднаго нарѣчія, но не *всѣ;* самыя-то *исключительныя* и не высказались. Такъ и въ Бѣлорусской письменности древняго и позднѣйшаго времени — остались какъ-бы несуществующими для нея самыя *существенныя* черты Бѣлорусскаго нарѣчія: звукъ *а* вм. *о* безъ ударенія, и звуки *дз,ц* вмѣсто отонченныхъ *д,т* (*хадзиць* вм. ходить и проч.).

И такъ всѣ *основанія*, на которыхъ у г. Лавровскаго устрояется *отрицаніе* Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ Югѣ до XIV вѣка, оказываются весьма *непрочными* и несостоятельными.

Для окончательнаго рѣшенія *вопроса* намъ надо взглянуть еще на слѣды *Великорусскаго* нарѣчія въ писаніяхъ древле-Кіевскихъ.

Еще одно, послѣднее сказанье....

IV.

Не осталось-ли, не найдется ли еще какого предлога къ *отрицанію* Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ Югѣ до нашествія Татарскаго?.. А я признаю за несомнѣнную истину, что и Великорусское нарѣчіе существовало въ древнее время на Русскомъ Сѣверо-востокѣ также, какъ Малороссійское на Кіевскомъ Югѣ. Взглянемъ же на тѣ слѣды *Великорусскаго* нарѣчія, какіе остались на древле-Кіевскихъ писаніяхъ отъ переписки Сѣверно-русской. За *основаніе* мы примемъ тѣ его отмѣны отъ церковно-Славянскаго и Малороссійскаго, какія открываются изъ Лаврентьевскаго или Суздальскаго списка Несторовой лѣтописи, принадлежащаго ко второй половинѣ XIV вѣка.

1) Постановка *тъ* вм. *ть* въ 3 лицѣ настоящаго и будущаго времени; сюда же и окончаніе *тся* вм. *ться*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ:

не умираютъ, обрящется, покусится и проч. Такая постановка началась въ Сѣверно-Русской письменности не съ XIV вѣка, а еще въ древнее время; первымъ слѣдомъ ея можетъ считаться написаніе *убиютъ* вм. *убиють* въ евангеліи Остромировомъ. Въ позднѣйшее время Великороссіяне совсѣмъ замѣнили въ церковно-Славянскомъ языкѣ его отонченное окончаніе господствующимъ у нихъ *тъ*: (*) (Средне-русское нарѣчіе уклоняется въ этомъ

(*) Къ измѣненіямъ церковно-Славянскаго языка, бывшимъ у писателей *древне-Русскихъ*, я отнесъ (въ *исторіи древн. Рус. Слов.*) приставку *привычнаго* для Руси окончанія 3 лица *ть* къ окончанію преходящаго времени *ше, ху*. Въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго замѣчено справедливо, что эта приставка и въ Сѣверно-Русской письменности была не только въ XII вѣкѣ (какъ сказано въ *филологическихъ письмахъ*), но и въ XI-мъ. Однако нельзя доказывать этого *Минеей*, которую самъ Востоковъ (да и г. Лавровскій въ *Описаніи*) полагаетъ надвое XI или XII в. Для XI-го вѣка слѣдовало бы указать на евангеліе Остромирово, гдѣ встрѣчается уже одинъ разъ эта приставка: *мужьдашеть* вм. *мужьдаше*. О другихъ возраженіяхъ г. Лавровскаго по сему случаю не вижу надобности распространяться; не лишнимъ считаю замѣтить одно, что приставка привычнаго для Руси *ть* бывала иногда и къ церковно-Славянскому окончанію прошедшаго времени множ. числа *ша*. Для примѣра тому приведу, какъ рѣдкость, слѣдующую фразу изъ Кіевской лѣтописи (подъ 1180 г.) „не *веляхуть* имъ, и не *мовошать* ихъ удержати.“

на сторону Малороссійскаго и церковно-Славянскаго, между тѣмъ въ Червонорусскомъ господствуетъ *тъ*).

2) Постановка буквы *е* вм. *ѣ* и наоборотъ. Такъ у Лаврентія: отъ *колена* Афетова, не *едемъ* на конѣхъ, и—*вмѣтахуся, иѣдѣля*. Такъ и въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія по списку XII вѣка: *обрете* (вм. обрѣте), немощи *телесныя* и *повѣлѣвшу* (вм. повелѣвшу). Но когда въ Суздальскомъ же спискѣ Несторовой лѣтописи встрѣчаемъ, напримѣръ, *Печенѣгы* и *Печенигы*, то это можно относить къ подлиннику Кіевскому, ибо *Лаврентій* отъ себя скорѣе поставилъ бы *Печенегы*. Иное дѣло въ Кіевской лѣтописи: тамъ, наприм. *на рѣци* (вм. на рѣцѣ) можно относить и къ писцамъ Ипатьевскимъ, такъ какъ Новгородское нарѣчіе отмѣняется издревле отъ всей Сѣверно-русской рѣчи Южнорусскимъ *и* вм. *ѣ*. Однако въ древней Новгородской письменности встрѣчается и постановка *е* вм. *ѣ*, напримѣръ въ Минеѣ XI или XII вѣка: *телеса*; въ самомъ Остромировомъ евангеліи: *иѣсть* и *есть*. Такую двоякость относительно буквы *ѣ*, въ древней Новгородщинѣ, можно объяснить двоякостью народонаселенія: звукъ *е* отъ *Кривичей*; звукъ *и* отъ *Словенъ*.

3) Окончаніе прилагательныхъ именъ и мѣстоименій *ой, ей*—вмѣсто церковно-Славянскихъ и Мало-

россійскихъ *ый, ій.* Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: *который* ти городъ любъ; ты еси *старѣйшей* братъ и пр. У писцовъ Ипатьевскихъ *тысяцкой* и *тысячкой*, даже *строй* вм. *стрый*! Древность Сѣверно-русскаго *ой* вм. *ый* извѣстна по рукописямъ XII вѣка (*нощной* вранъ и пр).

4) Сюда же подходитъ и Великорусское (хотя не повсемѣстное) обращеніе коренныхъ звуковъ *ы, и* въ *о, е:* а) въ нарѣчіи: *нынѣ* у Лаврентія и писцовъ Ипатьевскихъ *нонѣ*; б) въ глаголахъ *мыть, бить* и т. п., напримѣръ, въ Кіевской лѣтописи: *не бейтеся,* или: *побейте, побейте!* (вмѣсто: не бійтеся, побійте).

5) Обращеніе согласныхъ звуковъ звонкихъ въ глухіе: *б* въ *п, д* въ *т.* Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: *паропци* (вм. паробци), женамъ *Дулѣпьскимъ* (вм. Дулѣбьскимъ); въ словѣ о П. И: *рѣтко* (вм. рѣдко).

6) Необращеніе гортанныхъ звуковъ *г, х, к* въ *з, с, ц* передъ *ѣ* въ окончаніяхъ падежей. Такъ въ Несторовой лѣтописи: *на березѣ, на порозѣ* принадлежатъ Кіевскому подлиннику; *къ рѣкѣ*—Лаврентьевскому списку.

7) А вотъ еще случай: «на *Деревьскю* землю» (см. въ изданіи Тимковскаго стр. 44). Не отозвалась ли здѣсь та особенность народнаго Великорус-

каго говора, что звукъ *к* въ концѣ словъ требуетъ тонкихъ гласныхъ *я, ю* вм. *а, у*? (напримѣръ: *тройкя, миленькяя, чяйкю*).

Къ этой седмерицѣ примѣтъ господствующаго *Великорусскаго* нарѣчія можно прибавить еще слѣды областнаго *Новгородскаго*, привнесенные въ Кіевскую лѣтопись писцами Ипатьевскими:

8) Нерѣдкую постановку *ч* вм. *щ* и *щ* вм. *ч*. и

9) слова: *дожгъ, дожгъщю, бездожгье*. Но въ Ипатьевскомъ-же спискѣ Несторовой лѣтописи сохранилась и Малороссійская форма этого слова: «идяху стрѣлы акы *дожчъ*». (См. подъ 1097 г.)

Неправда-ли, что вышеприведенными особенностями *Великорусскаго* нарѣчія, взятыми вмѣстѣ, окончательно уничтожается *положеніе* о нераздѣльности Русской рѣчи на два нарѣчія до XIV вѣка, развитое въ *Отвѣтѣ* г. Лавровскаго?..

Впрочемъ, въ *Описаніи семи рукописей* (напечатанномъ въ *Чтеніяхъ* 1858 г.) онъ самъ призналъ, кромѣ областнаго *Новгородскаго*, еще *Великорусское* нарѣчіе, которое и по его мнѣнію господствовало въ древнее время не только на Русскомъ Сѣверѣ, но и на Югѣ. Предпославъ невѣрное наблюденіе, будто Малороссійское нарѣчіе нигдѣ и ничѣмъ не обнаружило себя во всей древней письменности, онъ, сначала только *предполо-*

жительно, присвояетъ *Кіеву* большую часть тѣхъ древнихъ рукописей, въ которыхъ нѣтъ исключительныхъ особенностей Новгородскихъ, но есть иногда именительный падежъ прилагательныхъ именъ на *ой* и *е* вм. *ѣ*: «что—говоритъ—звучитъ *совершенно по Великорусски*»; и вслѣдъ за этимъ переходитъ уже къ *положительному мнѣнію* о господствѣ и на Кіевскомъ Югѣ *Великорусскаго* нарѣчія до XIV вѣка.

Вотъ какъ *легко* у него наводится Великорусское нарѣчіе на древле-Кіевскую землю, — еще легче, чѣмъ устраняется изъ нея нарѣчіе Малороссійское! И какой же у него предлогъ приписать Кіеву тѣ рукописи: что въ XI и XII вѣкахъ письменность — «едва ли не исключительно сосредоточивалась въ Кіевѣ и Новгородѣ.» Но извѣстно положительно, что въ XII вѣкѣ была письменность и въ Ростовѣ, и въ Суздалѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Туровѣ, и въ Полоцкѣ. За чѣмъ же приписывать Кіеву, то что звучитъ не по-Кіевски, и особенно, когда такою дарственною записью отчуждается отъ него родовое достояніе?... Есть и безъ Кіева довольно мѣста на Сѣверно-Русскомъ просторѣ для пристанища всему, что звучитъ *совершенно по-Великорусски*: «вся земля наша велика и обильна!»

И такъ до сихъ поръ не нашлось еще никакого *филологическаго основанія* для замѣщенія Малороссійскаго нарѣчія Великорусскимъ на Кіевскомъ Югѣ до XIV вѣка; да его и быть не можетъ, судя по всему доселѣ сказанному и дознанному. Если бы даже отыскалась древняя рукопись съ явными примѣтами нарѣчія Великорусскаго и съ означеніемъ, что она писана именно на Кіевскомъ Югѣ, и тогда я сказалъ бы, что она писана Сѣверно-Русскимъ человѣкомъ, находившимся въ стольномъ Кіевѣ или въ иномъ городѣ Южно-Русскомъ.

Теперь намъ остается посмотрѣть еще на тѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, ради которыхъ г. Лавровскій, въ своемъ *Обзорѣ*, обращается къ твоей *гипотезѣ* о переселеніи Малороссійскаго народа на Днѣпръ съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго. По его словамъ, эта гипотеза *объясняется* вообще родствомъ Малороссійскаго нарѣчія съ Карпато-Русскимъ и «*подтверждается* общими чертами съ Сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ Сербскими поселеніями Карпатахъ» (стр. 265).

Но *родствомъ* Карпато-Русскаго нарѣчія съ Малороссійскимъ *объясняется* не менѣе и об-

ратное переселеніе Южно-Русскаго народа туда, въ Карпаты.... А потому, не останавливаясь на этомъ обоюдномъ родствѣ, мы обратимся къ тѣмъ *общимъ* чертамъ Малороссійскаго нарѣчія съ Сербскимъ, которыми у г. Лавровскаго подтверждается гипотеза о пребываніи Малороссіянъ въ Карпатахъ, даже до нашествія Татарскаго. Такихъ филологическихъ примѣтъ у него приведено восемь, изъ которыхъ 5 взяты отъ звуковъ, а 3 отъ формъ грамматическихъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

1) «Будущее сложное составляется при помощи глагола *мати* (=имати), который или употребляется отдѣльно; какъ: *покинути маешъ*, или сливается съ главнымъ глаголомъ: *покинутиму*,-*мешъ*,-*ме*,-*мемо*,-*мете*,-*мутъ*. Такимъ образомъ въ этомъ образованіи нарѣчіе Малорусское вполнѣ сближается съ Болгарскимъ и Сербскимъ» (стр. 260).

Начать съ того, что г. Лавровскій спрягаетъ не по-Малороссійски. При такой неслыханной формѣ будущаго времени, какъ *покинутиму*, *покинутимемо*, невольно вспомнится Гоголева фраза изъ Шпоньки: «въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ.» Будущее *однократное* и *совершенное* (какъ называлъ ихъ Ломоносовъ) въ Малороссій-

скомъ нарѣчіи образуются также, какъ и въ Великорусскомъ:

Ой загину, моя ма́тинко, загину;
Я-жъ не люблю Шингѐренка, *покину*.

Со вспомогательнымъ глаголомъ слагается только будущее *неопредѣленное* (неокончательнаго вида):

Буду плавати, ныряти,
Доленьки шукати.
Или: Ходитимешъ, нудитимешъ,
Таки мене любитимешъ.

Это *слитное* будущее со вспомогательнымъ глаголомъ *иму* составляетъ исключительную особенность *Малороссійскаго* нарѣчія, которая съ Кіевскаго Юга легко могла перейти и за Днѣстръ, если только есть она въ народномъ говорѣ Галицкомъ и Карпато-Русскомъ. Не *вполнѣ* сближается ею Малороссійское нарѣчіе съ Сербскимъ и Болгарскимъ; ибо тамъ слитное будущее составилось съ глаголомъ *хочу* (по-Сербски *тю* или *отю*), который у насъ и не принятъ за вспомогательный.

2) Окончаніе 1 лица множественнаго числа *мо*:

Ма́лороссійское нарѣчіе въ этомъ сближается съ Сербскимъ, Хорутанскимъ, Хорватскимъ и Словацкимъ, хотя не чуждается и общаго для всѣхъ окончанія *мъ*. Но дѣло въ томъ, что у Карпатской Руси, кромѣ этого сокращеннаго окончанія,

господствуетъ Чешское и Болгарское *ме*, не свойственное нарѣчіе Малороссійскому (*); а потому нечего и отсылать къ Карпато-Русскамъ Кіевскій народъ за окончаніемъ *мо*; не то-пришлось бы тудажъ къ Словакамъ, *или же* въ Иллирію, отправить и тѣхъ Ярославскихъ Сицкарей, которые окончаніе *мъ* протягиваютъ въ *мо;* а Вышневолоцкій народъ—въ Мазовію, за окончаніемъ *ма*.

3) Смѣшеніе дательнаго падежа съ предложнымъ единств. числа въ именахъ прилагательныхъ.

Но смѣшеніе этихъ двухъ падежей въ разныхъ случаяхъ, въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ часто встрѣчается и древле во всей Русской рѣчи, что и вышеприведенный случай не представляетъ собою ничего особеннаго важнаго для географическаго соображенія о самихъ народахъ.

4) Черниговское произношеніе *ще* вм. *ть*. Такое же произношеніе ведется и у Сербовъ *Герцеговинскаго* нарѣчія. Но это не имѣетъ никакого

(*) У Нестора подъ 907 г. (въ мѣстѣ, утраченномъ въ спискѣ Лаврентьевскомъ) читаемъ: „и мы *есме* Русь“; въ Кіевской Лѣтописи подъ 1159 г., „ради *есме*“. Эту форму *есме* (вм. *есмы*), извѣстную изъ древней Новгородской письменности, не отнести ли тоже къ писцамъ Ипатьевскимъ?

отношенія къ большинству Малороссійскаго народа, у котораго господствуетъ острое *и* вм. *ѣ*, равно какъ и у народа Галицкаго и Карпато-Русскаго. Звукъ *е*, произносимый *двоегласно*, когда *ѣ* приходится съ удареніемъ, есть областная особенность говора *Сѣверскаго*, которая въ немъ легко могла развиться и на Деснѣ и на Сеймѣ, по ближайшему сосѣдству *Сѣверянъ* съ *Вятичами* и съ *Радимичами*, врѣзавшимися по р. Сожѣ въ четыре сѣверные уѣзда Черниговской губерніи, гдѣ и до нынѣ они *дзе́кають* и *акають*, обличая тѣмъ свою принадлежность къ нарѣчію Бѣлоруссіи. Въ *Среднерусскомъ* нарѣчіи, особенно въ Рязанскомъ говорѣ, слышится такое же двоегласное *е* вм. *ѣ* съ удареніемъ на примѣръ: *сасье́дъ*, *найе́лси*, *йе́дя* т. е. ѣдетъ (по Караджичевой правописи: *сасијед*, *наијелси*, *чједья*).

5) Приставка *и* передъ согласными, особенно *р*, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ.

Г. Лавровскій предполагаетъ, что это прибавочное *и* въ Малороссійскомъ нарѣчіи «въ древнее время имѣло *тотъ же самый, совершенно неопредѣленный полугласный* звукъ, какой теперь произноситъ Сербъ передъ *р*, звукъ подобный нѣсколько краткому *ы*» (стр. 238). Зачѣмъ это напрасное предположеніе? Въ Малороссійскомъ на-

рѣчіи, напримѣръ, въ словахъ: *и-ржать*, *и-ать*, *и-льяный* (т. е. яньяный) прибавляется *гласное и* также, какъ въ Великорусскомъ народномъ говорѣ—*гласный а*, напримѣръ: *а-ржаной*, *а-лимоны*. Такъ Славянское имя буквы *р* Малороссіяне выговариваютъ *И-рцы*, Великороссіяне *А-рцы*. Такъ имя Переяславской рѣчки *Льто* (у Нестора) или *Льтица* (въ Кіев. Лѣт) Великороссіяне обратили въ *Альту*, Переяславскіе Украинцы—въ *Ильтицю*. Прибавочное *и* въ Малороссійскомъ говорѣ не обращается въ полугласный звукъ; тогда какъ это бываетъ нерѣдко (послѣ гласныхъ) съ кореннымъ *и*; напримѣръ:

Будуть люде квѣткы рвать—
Сонъ-траву ирвала—
Купала на Йвана—
На Петра й Павла.

Напрасно у г. Лавровскаго и другое предположеніе, что прибавляется *и* передъ тѣми согласными, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ. *Ржать*, *иржать*—по санскр. *реш*; *рвать*, *ирвать*=Санскр. *рив*, или *ру*; *лёнъ*—по-Лат. linum, и проч.

Наконецъ и Сербскій полугласный звукъ передъ *р*, въ словахъ *рзати*, *рвати*, скорѣе подходитъ къ Великорусскому прибавочному звуку, чѣмъ къ

Малороссійскому, т. е. онъ можетъ считаться сокращеніемъ или заглушеніемъ гласнаго *а*, слышаннаго туземцами и въ мѣстныхъ говорахъ Сербскихъ, напримѣръ, въ Рагузскомъ или Дубровницкомъ: *аржати, арвати*—по лексикону Рагузинца Стулли. Вспомнимъ при этомъ господство звука *а* въ Сербскомъ языкѣ: *ражъ*—рожь, *ланъ*—лёнъ, *данъ*—день и проч. Тутъ кстати скажу мое давнее мнѣніе, что въ Славянской рѣчи у каждаго изъ *пяти* основныхъ гласныхъ или *самогласныхъ* звуковъ есть свой *полугласный* отзвукъ.

6) Общее смѣшеніе *ы* и *и*.

Мы уже видѣли, во второмъ письмѣ, это смѣшеніе въ древней письменности Новгородской и Кіевской. Нарѣчіе Малороссійское усвоило себѣ легкое *ы* (по Калайдовичу *ери*), сходно со всѣми Задунайскими и нѣкоторыми Сѣверозападными нарѣчіями Славянскими; а между тѣмъ, именно у Карпато-Русскихъ Горянъ или Горцевъ, господствуетъ такое же дебелое *ы*, какъ у Великороссіянъ и Поляковъ, даже послѣ гортанныхъ *г*, *х*, *к*.

7) Господство выговора *г* (=*h*).

И для этого господства не надо удалять Малороссіянъ въ Карпаты изъ ихъ *госпòды* Приднѣпровской; ибо гортанный выговоръ *г* (=*h*) суще-

ствуетъ и въ Бѣлорусскомъ говорѣ, и въ средне-Русскомъ и въ Новгородщинѣ; а у Сербовъ слышится поднебный *г* (=*g*), какъ у Москвитянъ и Поляковъ.

8) Употребленіе *дж* вм. *ж* при смягченіи звука *д*.

Но этимъ обращеніемъ кореннаго *д* въ *дж*, напримѣръ, въ глаголахъ *ходжу, сиджу, пріѣзджаю,* нарѣчіе Малороссійское и Червонорусское сближаются не съ Сербскимъ (въ которомъ господствуетъ смягченное *дь*), а съ Хорватскимъ (въ которомъ господствуетъ *дж*). А какъ *Хорваты* еще и во Владимірово время находились въ предѣлахъ Южнорусской земли (въ восточной Галиціи), то не для чего Кіевскихъ Малороссіянъ удалять съ Днѣпра въ Карпаты изъ-за этой особенности выговора. Вѣдь изъ нашихъ-же Южнорусскихъ предѣловъ нѣкогда перешли и въ Иллирію Хорваты Задунайскіе, сохранившіе и тамъ въ своемъ языкѣ общее съ Южнорусскимъ языкомъ *дж* вм. *ж*. Это послѣднее, т. е. *ж* изъ *д*, хотя ведется у насъ издревле, но все же представляетъ собою формацію вторичную, утратившую коренной звукъ *д*, какъ осталось Чешское *з* изъ Польскаго *дз*. Глубокую древность этого перехода *д* въ *ж*

черезъ *дж* (перевернутое церковно Славянскимъ языкомъ въ *жд*) можно видѣть на Санскритскихъ словахъ: *гудж* — гудѣть, *раджи* — рядъ, и другихъ (*).

(*) Въ *филологическихъ письмахъ* я упомянулъ мимоходно, что въ Малороссійскихъ словахъ *джбанъ* (жбанъ) и *джерело* (жерело) сохранился первобытный звукъ *дж* вмѣсто позднѣйшаго *ж*, не думая производить и здѣсь этихъ звуковъ отъ кореннаго *д*. А г. Лавровскій, въ возраженіе мнѣ, написалъ противъ этого цѣлую 39 страницу, гдѣ самъ себѣ противорѣчитъ: то видитъ онъ въ этихъ словахъ *такую же точно приставку д* къ *ж*, какъ и къ *з*, въ словахъ *дзвóнъ*, *дзéркало*; то видитъ онъ ясно, что здѣсь *не приставное д* къ *ж*, а двойной звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г*., утверждая, что такое же происхожденіе *д* при *з* въ словахъ *дзвóнъ*, *дзéркало*.

Нельзя, мнѣ кажется, допустить такого корнесловія, по которому и въ словахъ *звонъ*, *зеркало* признается коренной звукъ *г*, ни откуда не видный для этихъ словъ. Здѣсь *д* естьочевидная *приставка* къ коренному *з*, переходящему только въ свой глухой отзвукъ *с*: *звона*—*по-Санскр. свана*, *по Лат. sonus* и проч. Но въ словѣ *джбанъ* (*дзбанъ*), даже и по предложенному г. Лавровскимъ производству отъ *гнуть*, *гибать* (!), все таки звуки *дж*, *дз*, будутъ первичными изъ *г*, а *жбанъ*, *збанъ* будутъ уже вторичными формами, также какъ и *чванъ*—форма,

Между тѣмъ и въ говорѣ Великорусскомъ не совсѣмъ исчезло это первичное обращеніе *д* въ *дж*; объ этомъ звукѣ упоминалъ еще Ломоносовъ, въ своей грамматикѣ, приводя въ примѣръ слово *вожжи* (*вожджи*). Въ наше время Катковъ, въ своемъ *разсужденіи* 1845 года, говорилъ слѣдующее: «По всему вѣроятію, Русская буква *ж* изъ *д*, въ древнее время, звучала нѣсколько отлично отъ обыкновеннаго *ж*, можетъ быть нѣсколько острѣе и съ легкой помощью *д*, какъ и теперь слышимъ въ Московскомъ выговорѣ, въ словахъ: *пріѣжджять* вм. пріѣзжать, *дожджя* вм. дождя, и проч. Интересно, что въ старинныхъ грамотахъ именно встрѣчается такая форма: *пріѣ-*

происшедшая прямо отъ *джбанъ*, обращеніемъ звонкаго *дж* въ соотвѣтственный ему глухой *ч* (какъ и въ словѣ *ганчарь* отъ Санскрит. *ганджа*, посуда и другихъ).

Глубокая древность начальнаго звука *дж*, соотвѣтственнаго нашимъ *ж* и *з*, видна на многихъ Санскритскихъ словахъ: *джив*, *джива* — житъ, жизнь; *джур* — журить; *джал* (быть острымъ)—жало; *джалабу* (водяной), *джаламбаха* (водотокъ)—жолобъ; *джна*, *джнана*,— знать, знаніе и проч. Но въ этихъ и другихъ словахъ нельзя производить *дж* непремѣнно отъ *д* или *г*, развѣ также гнуть и эти слова, какъ *джбанъ*, *жбанъ* — отъ *гну*, *гибать*.

ѣзджать и даже *разъѣзжджикъ»* и проч. (стр. 97). Само собою разумѣется, что это *дж*, равно какъ и Бѣлорусское *дз* (слышимое и на Великорусскомъ сѣверовостокѣ), выговариваются слитнымъ, цѣльнымъ звукомъ, также какъ и соотвѣтственные имъ глухіе сложные звуки *тш* и *тс* существуютъ въ видѣ цѣльныхъ, слитныхъ звуковъ—*ч* и *ц*.

Въ *Обзорѣ* г. Лавровскаго замѣчено еще, что въ Харьковскомъ говорѣ и въ нѣкоторыхъ Западныхъ губерніяхъ слышится смягченное *дь* вм. *дж* или *ж*, напримѣръ: *ходю*, *сидю*, *родю* и т. д. Но это есть очевидное уклоненіе отъ господствующаго и первообразнаго Южнорусскаго говора; и если оно *сербизмъ*, то происшедшій въ позднѣйшее время на рубежахъ Украинскихъ. Вспомнимъ Сербовъ, находившихся на Русскомъ Югѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, въ томъ числѣ и казацко-Украинскихъ полковниковъ:—Думитрашка-Райче или Раича, Ивана и Вуйцу Сербиновъ, а послѣ нихъ и Милорадовичей. Вспомнимъ *новую-Сербію*, объ руку съ Украйной, въ прошломъ столѣтіи.

Вотъ и вся филологическая *серебщизна*, собранная г. Лавровскимъ. Суди самъ, достаточна ли она для *подтвержденія* твоей исторической гипотезы?...

На этомъ и кончу мой отчетъ тебѣ о томъ, что относится собственно къ разрѣшенію Западнаго вами *вопроса* о нарѣчіи Малоросійскомъ. Что же касается до остальныхъ подробностей *Отвыта* г. Лавровскаго, то я охотно готовъ поговорить объ нихъ изустно; но писать и читать—было-бы и много, и скучно.... Прощай!

М. Максимовичъ.

1863 г. 4 Марта. Михайлова гора.

Дозволено цензурой, Москва Апрѣля 19 1863 г.
(Изъ газеты „Дня“ № 16.)

- 2 5 ИЮЛ 1945